

Т. Н. Жужгина-Аллахвердян

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

ИНТЕРТЕКСТ И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ КОДОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (размышления по поводу «Структуры художественного текста» Ю. М. Лотмана и «Палимсеста» Ж. Женетта)

Рассмотрены особенности функционирования и художественной трансформации интертекста и интертекстуальности во французской литературе XIX в. Романтичный текст исследован как интертекст и архетипический мифопоэтический дискурс в свете современных идей и методологий XX ст., а именно: в аналитической постмодернистской традиции Ж. Женетта и с помощью структурного метода Ю. Лотмана.

Ключевые слова: Ж. Женетт, постмодернистская традиция, Ю. Лотман, художественный текст, структурный анализ, архетип, интертекст, интертекстуальность, мифопоэтический дискурс.

Жужгина-Аллахвердян Т. М. Національний гірничий університет (м. Дніпропетровськ). **ИНТЕРТЕКСТ ТА МНОЖИННІСТЬ ІНТЕРТЕКСТУАЛЬНИХ КОДІВ РОМАНТИЧНОГО ТЕКСТУ (роздуми з приводу «Структури художнього тексту» Ю. М. Лотмана і «Палімсесту» Ж. Женетта)**

Розглянуто особливості функціонування та художньої трансформації інтертексту та інтертекстуальності у французькій літературі XIX ст. Романтичний текст досліджено як архетипний мифопоетичний дискурс у світлі сучасних ідей та методологій XX ст., а саме: в постмодерністській нарративній традиції Ж. Женетта та за допомогою структурно-парадигматичного методу Ю. Лотмана.

Ключові слова: Ж. Женетт, постмодерністська традиція, Ю. Лотман, художній текст, структурний аналіз, архетип, інтертекст, інтертекстуальність, мифопоетичний дискурс.

Joujguina-Allakhverdian T. National Mining University (Dnepropetrovsk). **INTERTEXT AND MULTIPLICITY OF INTERTEXTUAL RELATIONSHIPS (thoughts in the light of Y. Lotman's «Structure of literary text» and G. Genette's «Palimpsestes»)**

Modern linguists use a concept «intertextuality» with a great carefulness in relation to the literary phenomena of romanticism. «Allusion», «reminiscences», «citations» seem for scientists more usual and more precisely determining and reflecting the specific of romantic literary texts. This article examines the intertext and intertextuality of the French romanticism in the 1820s, as well as their features, functioning and transformation. The romantic text is studied as archetypal mythopoetic discours in the context of modern ideas and methodologies, Gerard Genette's typology of narrative forms and Y. Lotman's structural method. The article provides the analysis of the textual structure of the French romantic symbolism. The main subject of this research is functioning of textual symbolic and archetypal metaphor. Metaphor also matters because it influences decisions by activating analogies, grotesque and irony, as well as traditional mythological symbolism.

Key words: G. Genette, postmodern tradition, Y. Lotman, literary text, structural analysis, archetype, intertext, intertextuality, mythopoetic discourse.

Современная наука, занимающаяся текстом, его структурой и технологией, с большой осторожностью использует понятие «интертекстуальность» по отношению к литературным феноменам допостмодернистской эпохи. «Аллюзии», «реминисценции», «заимствования», «цитаты» кажутся ученым более привычными и более точно определяющими специфику взаимодействия художественных романтических текстов с текстами-прецедентами. На наш взгляд, уже в историко-литературных трудах первой половины XX ст., посвященных романтизму, речь шла о явлении, получившем название «интертекстуальность», хотя сам термин

стали употреблять по отношению к романтизму и романтическому тексту только в конце XX в. [2, с. 25–54].

В данной статье *интертекст* рассматривается в связи с французским романтизмом 1820-х гг. как историко-литературная и мифопоэтическая основа диалога культур и литератур, а *интертекстуальность* как мифопоэтическое нововведение и реформаторский прием структуризации нового текста, синтезировавшего элементы эпической и лирической наррации.

Определяя интертекст, исследователи по традиции цитируют Р. Барта, утверждавшего, что текст представляет собой «новую ткань, сотканную из старых цитат», и приводят изречение Юлии Кристевой о тексте как «мозаике» («*Tout texte se construit comme une mosaïque de citations, tout texte est absorption et transformation d'un autre texte*») [8, с. 35]. В работах последних лет о тексте и его технологии внимание акцентируется не на разногласиях между «структурализмом» и «постструктурализмом», а на развитии постструктуралистами «структуралистской мысли». То, что американские исследователи называли «постструктуралистской мыслью», родилось внутри структурализма (Барт, Фуко, Лакан), утверждает квебекский исследователь С. Арчибалд, а Кристева, Деррида и Делюз, которые испытывали «притяжение» структурализма, хотя часто не разделяли его идеи, по сути, продолжили его [Там же, с. 35].

Жерар Женетт в «Палимпсесте» («*Palimpsestes*») обновил введенное ранее постструктуралистами понятие интертекстуальности, привнеся в общую теорию термин «транстекстуальность» (*transtextualité*), понимаемый им как любые отношения текста с другими текстами. В теории Женетта за термином «*intertextualité*» закрепилось значение «текста в тексте», получившее подтверждение и развитие в теории и практике тартуской семиотической школы [9, с. 148]. Именно в значении «текста в тексте» французский ученый рассматривал интертекстуальность как цитату, дословную и эксплицитную ссылку (*référence littérale et explicite*); плагиат (*plagiat*), дословную, но неэксплицитную ссылку (в случае, когда ссылка не декларируется), а также аллюзию (*allusion*) и ссылку не пословную и неэксплицитную, рассчитанную на компетентного читателя, способного идентифицировать скрытую в тексте аллюзию или неточно переданную цитату [8].

Если научный текст в основном однозначен и, интерпретируя общий закон, как правило, моделирует абстрактную идею, то художественный текст тяготеет к многозначности. Потому художественный текст имеет доступ к разным системам отношений и в результате получает благодаря метафоре более чем одно значение [3, с. 87].

В работах, посвященных структуре художественного текста, Ю. М. Лотман, указав на затруднительность определения понятия «текст», рассматривал его в одном случае как «последовательность знаков» [Там же, с. 32], в другом – как «последовательность смыслов». Тартуский ученый подчеркивал, что сущность семиотического подхода заключается не только в изучении «значений», но также в раскрытии акта коммуникации и его общественной роли [Там же, с. 45; 4; 5]. К этой сфере ученый отнес изучение «вторичных моделирующих систем», т. е. культуры, искусств, литературы как знаковых систем [Там же, с. 47].

Зачатки теории интертекста и интертекстуальности появились уже в XIX веке, в период расцвета романтической литературы, которая мыслила новый текст как переосмысленный старый в соответствии с принципами «симметрии-асимметрии» (Ю. М. Лотман), с использованием мифологического параллелизма, нанизывания символов, многоступенчатого наращивания анализа чувств, экзистенциальной реконструкции и психологической реструктуризации знакомых сюжетов и образов, за которыми все чаще смутно угадывался скрытый нарцис-

сизм лирического поэта и реже – способность предвидения метаморфозы эпох. Начиная с XIX века, установка на творческую неповторимость и многозначность художественного смысла обязывала авторов активно искать уникальные прототексты, по-новому прочитывать до боли знакомую, «вечную», традиционную мифологию, увидеть с другой, психологической стороны ее таинственный символизм [7, с. 4]. На протяжении долгих постромантических десятилетий было принято считать, что романтизм отделился от Аристотеля, чтобы приблизиться к Платону и неоплатоникам. Однако, как справедливо заметил Ж. Женетт («Границы повествовательности»), и Аристотель, и Платон, по сути, пришли к одному – к огромной значимости духовных символов, коими с давних времен были наполнены философские и поэтические тексты. Архилох, Сафо, Пиндар, исключенные Аристотелем из числа поэтов в «Поэтике», имели одну общую черту, отмеченную Ж. Женеттом в границах повествовательного: их творчество воспринималось не как «подражание, посредством повествования или сценического представления, какому-либо реальному или мнимому действию, внешнему по отношению к личности и словам поэта», но как прямой дискурс автора, говорящего лично от себя, от своего имени [1, с. 60–281]. Так проявляет себя «интертекст» в значении читательского восприятия (perception) произведения в его отношениях с текстами предшествующими и последующими [11]. Романтики обогатили метафорический язык литературы, подхватив лирический метод древних греков, услышали и преобразовали смысл архаических аллегорий и символов, восходящих к мифологии и возрожденных эллинской культурой в буколиках Феокрита, Мосха, Биона. Они подняли идиллию и элегию на новый философский, художественный и семантический уровень. Но романтический дискурс уже не совпадал с дискурсом мимесиса и даже диегесиса, как их понимали Аристотель и Платон. Такие важные для романтиков терминологические понятия и словообразы, как «история», «тайна», «рок», «судьба», «душа», «человек», обрели как в лирическом, так и в эпическом тексте статус интертекстуальных символов. Как эти тенденции проявляли себя на практике? Одна из ярких гуманитарных тенденций проявилась как обновление архетипных образов и мифологизмов, преимущественно забытых, малознакомых, но чрезвычайно актуальных для нового читателя архетипов. Приемы введения в текст образов и идей, получивших в работах К. Г. Юга определение *архетипы*, не новы. Новыми являются методы их прочтения, способы трансфера и интерпретации, актуализации и ассимиляции. Ю. М. Лотман оперировал термином «архитип» (не архетип!), по аналогии со структурными образованиями архисхема, архиструктура, построенными по образцу «архифонемы» Н. С. Трубецкого и употребленными в «значении совокупности дифференциальных признаков, общих двум элементам данного уровня нейтрализующегося бинарного противопоставления» [3, с. 368]. Многие из *архетипов*, забытые на многие века, были заново открыты предшественниками романтизма и самими романтиками в качестве образцов для «подражания», вполне в духе эпохи, когда классицизм был еще силен и не намеревался уступать своих позиций.

Если рассматривать текст не только как «последовательность знаков», но и как «последовательность смыслов», сохранив установку на «множественность художественных кодов» [Там же, с. 34–36], которыми располагает, к примеру, построенный на архетипическом материале текст, то очевидно, что архетипичность значительно снижает (сужает) множественность текстуальных кодов и не всегда приводит к единому знаменателю прочтения, иными словами, к единой интерпретации исконного текста. Этого нельзя сказать о рецепции и интерпретации романтического текста на разных стадиях его позднейшего восприятия, когда интертекстуальный «код» романтизма, применяемый авторами послереволюци-

онной и посленаполеоновской эпохи, был подменен новым, неромантическим кодом, в котором доминировали детерминанты «объяснительной процедуры» (Г. Лансон), отвечающей «философии факта», позитивистскому мировосприятию, соответствующей прагматической картине мира в постромантическую эпоху. Позже при расшифровке романтических текстов (текста) уже по сложившейся традиции продолжали использовать коды, отличные, а порой и противоположные коду романтического текста.

При этом в новом лирическом тексте, который наследовал во многом текст романтический, не прекращался процесс «вживления» чувствительных и эмоциональных по своему наполнению метафор в виде архаических архетипов и символов. Этот же процесс интертекстуальной адаптации, чаще всего упрощенной до банальности, наблюдается в современной социальной и рекламно-потребительской культурах, в текстах, обращенных к «естественному», «искреннему», «наивному», первоначальному внутреннему источнику – человеческому инстинкту.

В XIX в. интертекстуальные структуры и приемы, пришедшие в романтическую культуру и литературу из доклассицистической и доромантической эпохи, были встречены противниками романтизма либо как плагиат, либо как неумелое повторение пройденного, «странное» подражание, образец творческой несамостоятельности и т. д. Романтики в качестве контраргумента в пользу новизны текстов приводили иронические доводы. Известны работы и высказывания Шарля Нодье в защиту так называемых «подражателей» и списки произведений, выстроенных им в интертекстуальные «цепочки». В 1820-е годы интертекстуальный аспект уже был понят романтиками как составляющая мифопоэтического замысла и сравнительно-исторического анализа литературных текстов. Было и понимание относительности различных веяний и влияний, хотя и определялись они по традиции и в духе времени как «подражания».

Под интертекстуальностью в романтическом контексте понимается не только совокупность текстуальных приемов, как то: реминисценции, аллюзии, цитаты и пр. Основными составляющими романтического мифопоэтического интертекста были параллельные или вставленные сюжеты и образы архетипной, мифологической, фольклорной, литературной и металитературной природы. Именно эта бросающаяся в глаза особенность романтизма вводила в заблуждение многих критиков, улавливающих жанровое, идейное, сюжетное и интонационное сходство параллельных текстуальных структур и художественных содержаний.

И по сей день созидание лирического текста происходит в полном соответствии с подкрепленной законами аристотелевской теорией поэзии как «подражания природе», в основе которого лежит бережно восстановленная лирическими авторами семиотическая парадигма «природа – чувство – воображение – совершенство – идеал – любовь – вечность». В связи с парадигматической постановкой проблемы интертекстуальности актуален вопрос о восприятии лирического текста («лирики природы» и любовной лирики) сердцем, внутренним голосом как «отражением» внутреннего мира читателя, откликающегося на голос автора (поэта) и являющегося голосом природы (психики), т. е. чистейшим «подражанием» и откликом на глубинный, архетипический текст. Именно в таком смысле стоит продолжать дискуссии об интертекстуальном мифотворческом и риторическом способах и формах самовыражения в поэтическом тексте, имеющем множество текстов-прецедентов, а также о разновидностях интертекстового и интертекстуального высказывания, способах их трансформации при переводе, а также о принципах кодирования «готового» символического и метафорического материала. Предметом дискуссии в разное время были идеи о смысле и назначении символа в культурной, мыслительной и языковых матрицах. Основополагающим моментом

в дискусії стало визнання багатифункціональної значимості метафори і текстувальної символіки як структурних складових художественного тексту і домінуючої ролі в ньому інтертекстуального міфопоетичного аспекта.

Библиографические ссылки

1. **Женетт Ж.** Фигуры: в 2 т. – Т. 1 / Ж. Женетт. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 944 с.
2. **Жужгина-Аллахвердян Т. Н.** Французский романтизм 1820-х гг.: структура мифопоэтического текста : монография / Т. Н. Жужгина-Аллахвердян. – Д. : Изд-во НГУ, 2008. – 280 с.
3. **Лотман Ю. М.** Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.
4. **Лотман Ю. М.** Лекции по структуральной поэтике / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. Ч. I. – М., 1994. – С. 118–119.
5. **Лотман Ю. М.** О семиосфере / Ю. М. Лотман // Избранные статьи / Ю. М. Лотман. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – 479 с.
6. **Лотман Ю. М.** Текст в тексте / Ю. М. Лотман // Избранные статьи / Ю. М. Лотман. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 148.
7. **Шахова К. О.** «Романтична література вчить того, чого в нас зараз так бракує...» / К. О. Шахова // Всесвітня література і культура в навчальних закладах. – 2002. – № 2. – С. 4.
8. **Archibald S.** Le texte et le technique. – Quebec : Gauvin, 2009. – 310 p.
9. **Genette G.** Palimpsestes: literature in the second degree / G. Genette. – Univ. of Nebraska Press, 1997. – 476 p.
10. **Kristeva J.** Sémiotiké: Recherches pour une semanalyse / J. Kristeva. – P. : Seuil, 1969. – 295 p.
11. **Riffaterre M.** La production du texte / M. Riffaterre. – P. : Seuil, 1979. – 284 p.

Надійшла до редколегії 17.02.15

УДК 811.112.2'373.612.2

М. В. Заполовський

Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича

ПАРАБОЛІЗМИ В НІМЕЦЬКОМОВНІЙ БІБЛІЙНІЙ КАРТИНІ СВІТУ

Досліджено параболізми як лексичні, синтаксичні і текстові утворення, марковані контекстом біблійних притч у німецькомовній картині світу та репрезентовані у німецькомовних лексикографічних джерелах і публіцистиці. Проаналізовано когнітивно-функціональні характеристики цих одиниць. Висвітлено також особливості змістового наповнення параболізмів: описано виражений ними смисл у біблійному тексті та сучасній німецькій мові, представлено моделювання фрагмента біблійної мовної картини світу.

Ключові слова: параболізм, текст, образ, модель, біблійна картина світу.

Заполовский Н. В. Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича. **ПАРАБОЛИЗМЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛЕЙСКОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Исследованы параболлизмы – лексические, синтаксические и текстовые образования, маркированные контекстом библейских притч в немецкоязычной картине мира и отраженные в лексикографических источниках, а также публицистике. Проанализированы когнитивно-функциональные характеристики этих единиц. Раскрыты особенности содержательной стороны